



Кукуша

**Собачья
философия
(Кукуша #8)**

Кукуша

Собачья философия (Кукуша #8)

«Автор»

2026

Кукуша

Собачья философия (Кукуша #8) / Кукуша — «Автор», 2026

Кукуша обнаруживает, что превратилась в прошлогодний мандарин: внутри — пустота, а способность радоваться за ближних исчезла, словно её никогда и не было. Она не улыбнулась дворнику Вите, отмахнулась от бабы Зины с пирожками, забыла, что такое благодарность. Диагноз, поставленный ею самой себе, звучит страшно: атрофия человечности. Лечение, подсказанное философами от Анахарсиса до Уильямса, и вовсе парадоксально — собака. Но не породистая, не модная, а дворняга из приюта, чья благодарность должна вернуть Кукуше умение чувствовать. Чуня — чёрный комок страха, не вылезавший из-под дивана, — оказывается не просто лекарством, а живым зеркалом. Пока Кукуша учит собаку не бояться людей, она заново учится любить, прощать и замечать тех, кто рядом. И обнаруживает, что соборность — это не философская абстракция, а круг соседей с пирожками, муж с разбитыми очками и хвост, виляющий со скоростью вертолёта.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Собачья философия (Кукуша #8)

Глава

Пролог. Исчезновение

Это случилось незаметно. Как таяние снега весной — вроде бы только что лежал, сверкал на солнце, хрустел под ногами, а глядь — уже лужа, в которой отражается серое небо. И не поймёшь, куда всё делось: то ли растаяло, то ли испарилось, то ли просто перестало существовать.

Кукуша поймала себя на том, что перестала улыбаться дворнику Вите. Не специально. Не из вредности. Просто... не улыбнулась. Прошла мимо, уткнувшись взглядом в телефон, хотя на экране было пустое место. А он стоял с метлой, опершись на неё, как на посох, и ждал. Каждое утро Витя подметал их двор ровно в восемь пятнадцать, и каждое утро Кукуша говорила ему: «Витя, доброе утро!» — или просто улыбалась. А сегодня — нет. Она прошла мимо, и холодок пробежал между ними, как сквозняк из неплотно закрытой форточки.

В тот же день она отмахнулась от бабы Зины. Сказала: «Извините, некогда», — и закрыла дверь, даже не посмотрев в глазок. А баба Зина стояла на лестничной клетке с пирожками — свежими, румяными, с капустой, которые пекла специально для Кукуши, с любовью и особым секретным ингредиентом, который не раскрывала никому, даже на районном конкурсе кулинаров. Кукуша поняла это только вечером, когда запах пирожков просочился сквозь щели. Тёплый, дрожжевой, домашний запах, который всегда означал: «Ты не одна, тебя любят, иди к нам». Но было поздно. Пирожки остыли. Баба Зина обиделась — она не говорила об этом вслух, но Кукуша знала. Обида бабы Зины была тихой, как мышь за плинтусом: она не кусалась, но грызла изнутри.

— Павел, — сказала Кукуша, лёжа на диване и глядя в белёсый потолок с едва заметной трещиной. — Со мной что-то не так.

— А именно? — спросил Павел, не отрываясь от ноутбука. На экране мелькали чьи-то курсовые, и он делал вид, что внимательно их читает, хотя уже полчаса смотрел в одну строчку.

— Я стала... чёрствой. Как прошлогодний мандарин. Помнишь те, которые мы купили на Новый год? Снаружи ещё ничего, а внутри — сухая, горькая вата. Вот я — такая вата.

— Ты всегда была чёрствой по утрам, пока не выпьешь кофе. — Павел попытался перевести всё в шутку, потому что не любил серьёзных разговоров на пустом месте.

— Нет. Это другое. Глубже. Я перестала чувствовать. Раньше, когда баба Зина приносила пирожки, я хотела обнять её и всех вокруг. Я хотела делать всех счастливыми. Это было не усилием — это было, как дышать. А теперь... мне всё равно. На бабу Зину. На Витю. На дядю Гришу, который чинит свой «Запорожец» и зовёт меня посмотреть, как зажигается лампа. Мне всё равно, Павел.

Павел отложил ноутбук, закрыл крышку — не щёлкнул, а аккуратно опустил, будто боялся, что громкий звук разобьёт хрупкую тишину. Посмотрел на неё внимательно, чуть склонив голову, как будто видел впервые.

— Ты устала, Аглая. София болела, ты не спала три ночи. Она плакала, ты её носила на руках, грела у батареи, поили из ложечки. А я спал, потому что у меня была сдача курсовых. Это пройдёт. Все болезни проходят, и эта пройдёт.

— Не пройдёт. — Кукуша села на диване, поджав ноги. — Я чувствую — внутри что-то умерло. Не сердце, нет. Что-то другое. Доброта? Нежность? Эмпатия? Я не знаю, как это называется. Но его нет. Как будто выключили свет в комнате, и ты шарить рукой по стене, а выключателя больше нет.

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором проплыли лица: баба Зина с пирожками — её морщинистые руки, пахнущие сдобой и терпением; дядя Гриша с его «Запорожцем»

и вечными жалобами на дороги; Валерий, который погладил Мусю и назвал кота «тварью божьей»; Лена, которая плакала на кухне, потому что Артём не хотел есть кашу. Когда-то Кукуша чувствовала их боль как свою, как занозу под ногтем. А теперь — нет. Теперь она чувствовала только свою пустоту. Звенящую, как пустая консервная банка, которую ветер гоняет по асфальту.

«Я превращаюсь в камень, — подумала она. — В философский камень, который всё понимает, но ничего не чувствует. Соловьёв писал о любви как о спасении индивидуальности. Любовь — это выход из эгоизма, это победа над одиночеством. А если индивидуальность теряет способность любить? Что тогда? Тогда нет спасения. Тогда ты один в пустоте, и даже эхо не отзывается».

Ответа не было. Только потолок с трещиной и далёкий звук дыхания Софии из детской.

Глава 1. Диагноз

На следующее утро Кукуша проснулась с твёрдым ощущением: так жить нельзя. Нельзя быть прошлогодним мандарином. Нельзя разучиться улыбаться. Она решила действовать методом, который знала лучше всего — философским. Не таблетки, не советы из женского журнала, не йога по видео на кухне. Только чистое, ясное, структурированное мышление.

Она достала дневник — тот самый, в кожаном переплёте, который Павел подарил ей на первую годовщину, — открыла на чистой странице, обмакнула ручку (она любила писать настоящими чернилами, это было торжественно) и написала:

«Симптомы: равнодушие к людям, отсутствие желания помогать, неспособность радоваться за других. Даже когда соседский мальчик научился кататься на велосипеде — я зевнула. Внутреннее состояние: пустота. Иногда — лёгкая тошнота от самой себя. Предварительный диагноз: исчезновение человечности. Вопрос: как вернуть? И вернуть ли? Может быть, это не болезнь, а взросление? Но взрослые же не перестают любить пирожки? Значит, не взросление».

Она перечитала написанное, зачеркнула слово «исчезновение», написала сверху «атрофия». Потом зачеркнула и «атрофию» — слишком медицинский термин, будто речь идёт о мышце, а не о душе. Потом закрыла дневник, потому что слова кончились, а вопросы остались.

— Павел, — позвала она, заглядывая в кабинет. — Скажи, что делает человека человеческим? Без шуток. Только серьёзно.

Павел задумался. Он отодвинул клавиатуру, снял очки (те самые, в тонкой оправе, которые потом сгрызёт Чуня, но пока они целы и блестят на солнце), протёр стёкла краем футболки.

— Наверное, способность к эмпатии. И к прощению. И к тому, чтобы совершать глупые поступки ради других. Помнишь, ты пошла на рынок в дождь, потому что бабе Зине нужны были лекарства? Ты промокла, заболела, но пошла. Это и есть человечность — когда твоё «хочу» отступает перед чужим «надо».

— А если я потеряла эту способность? Что, если я теперь не пойду в дождь? Что, если я скажу: «Баба Зина, вызовите такси»?

— Тогда надо её тренировать, как мышцу. Эмпатию можно натренировать. Есть упражнения: ставить себя на место другого, представлять его чувства, пытаться понять. Но это трудно, потому что требует усилий. А настоящая человечность — она без усилий, как дыхание.

— Как?

Павел развёл руками.

— Не знаю. Я филолог, не психолог. Я могу разобрать предложение по членам, но не могу починить душу. Это к Кротову, наверное. Или к бабушке. Или к собаке.

— К собаке? — Кукуша удивилась. — Ты серьёзно?

— А почему нет? Собаки делают людей лучше. Я где-то читал. В интернете.

Кукуша встала, прошла по комнате. Половицы скрипели — старая, знакомая музыка. Рыжая спала на кресле, свернувшись калачиком, и даже во сне выглядела королевой: лапа

прикрывала нос, хвост пушистым боа лежал на подлокотнике. Кукуша посмотрела на кошку и вдруг подумала: «Рыжая меня любит. Она мурлычет, когда я её глажу. Она трётся о ноги, когда я возвращаюсь домой. Но она любит не меня, а то, что я её кормлю. Это условная любовь: еда — ласка — тепло. Я хочу безусловную. Чтобы меня любили просто так. За то, что я есть. Даже если я сегодня злая, нечёсаная, с кругами под глазами и в старом халате».

И в этот момент её осенило. Это было как вспышка — яркая, почти болезненная. Как если бы внутри включилась лампочка, которую никто не трогал годами.

— Павел! Я знаю, что мне нужно! — Она чуть не подпрыгнула на месте.

— Что? — Павел насторожился. Обычно такие крики заканчивались перестановкой мебели или покупкой очередного тома непрочитанной философии.

— Собака!

Павел медленно поднял бровь. Очень медленно, как будто хотел убедиться, что услышался.

— Собака? Ты серьёзно? У нас кошка. У нас ребёнок. У нас квартира тридцать семь метров. Куда мы посадим собаку?

— На пол. На коврик. В душу. — Кукуша говорила горячо, быстро, жестикулируя. — Собака — это существо, которое любит безусловно. Она не спрашивает, какой у тебя доход, не осуждает за немытую посуду, не критикует философские концепции, не говорит, что ты слишком много думаешь. Она просто любит. Она смотрит на тебя и видит бога. И эта любовь будет возвращать мне человечность каждый день, каждую минуту.

— Ты хочешь завести собаку, чтобы лечить себя? А собаку кто будет лечить?

— Не только. Собака — это философский инструмент. Об этом писали многие великие умы. Я уверена. Просто мы не искали.

— Какие, например?

— Сейчас покажу.

Кукуша схватила телефон и начала лихорадочно искать. Ей казалось, что она помнит чьи-то мудрые слова — где-то на периферии сознания, в закромах памяти, куда не заглядывала со времён университета. И она была права.

Глава 2. Философское обоснование

Вечером того же дня, когда София уснула в обнимку с плюшевым зайцем, а Рыжая перебралась на батарею, Кукуша села за стол и составила список. Не простой список дел или покупок, а настоящий философский трактат. Она назвала его «О пользе собак для возвращения человечности, или Апология четвероногого друга». Павел, прочитав название, только вздохнул и поставил чайник.

Вот что она написала, выводя буквы тушью, как в старых манускриптах.

1. Собака возвращает ответственность

«Мы в ответе за тех, кого приручили», — писал Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Хотя его Лис был не собакой, а, скорее, лисицей — хитрой, мудрой и пугливой, — суть от этого не меняется. Когда берёшь на себя ответственность за живое существо, которое не может само открыть холодильник или позвонить в ветеринарную клинику, ты перестаёшь быть эгоистом. Ты больше не можешь провалиться до обеда в постели, уткнувшись в телефон, потому что собаке нужно на улицу. Ты не можешь забыть поесть, потому что сначала нужно насыпать корм. Ты не можешь уйти в свои мысли и пустоту, потому что собака тянет поводок и напоминает: «Я здесь. Я живая. Ты нужна мне».

Собака заставляет тебя вставать утром, гулять в любую погоду, кормить, заботиться, убирать лужицы в прихожей, если не успели. Это возвращает тебя в реальность, из которой ты так старательно убегала в философские абстракции. Абстракции не пишут на пол. А собака — пишет. И это прекрасно, потому что это — жизнь.

— Но Сент-Экзюпери писал о лисе, — заметил Павел, заглядывая через плечо. — Лис — это дикое животное. Собака — домашнее. Разница есть.

— Лис — это метафора приручения. А собака — её практическое воплощение. Не придирайся к словам, придирайся к сути. — Кукуша отодвинула его локтем. — И вообще, ты мешаешь творить.

2. Собака учит безусловной любви

Английский философ Бернард Уильямс, которого Кукуша случайно открыла в интернете и сразу полюбила всей душой, сказал: «В мире нет лучшего психиатра, чем щенок, который лижет вам лицо». И это правда. Собака не спрашивает, заслуживаешь ли ты любви сегодня. Она не оценивает твой вклад в отношения. Она не ведёт счёт: «Я тебе три раза хвостом вильнула, а ты мне — один». Она просто любит. Она радуется, когда ты приходишь, даже если ты уходила на пять минут за хлебом. Для неё каждое возвращение — праздник.

Это напоминает нам о том, что любовь не надо заслуживать. Её достаточно принимать. Впускать. Позволять себя любить, даже если тебе кажется, что ты этого не стоишь. Собака не знает слова «недостойн». Она знает только «мой человек».

— Это похоже на благодать, — заметил Павел уже более мягко. — Прощение без условий. Принятие без требований. Религиозные люди называют это чудом.

— Именно. Собака — это воплощённая благодать. В шерсти и с хвостом. С мокрым носом и умоляющим взглядом, когда ты ешь бутерброд.

3. Собака помнит добро

Анахарсис, скифский философ, который был чудаком и мудрецом одновременно, говорил: «Собака обладает одним прекрасным душевным качеством — она помнит добро. Она охраняет дом своих благодетелей до самой смерти». Люди часто забывают добро. Мы привыкаем к хорошему, перестаём замечать, считаем нормой. А собака — никогда. Собака помнит, кто её накормил, кто погладил, кто не бросил на улице. Глядя на собаку, я вспомню, что такое благодарность. Я вспомню, что каждый пирожок бабы Зины — это поступок, а не обязанность.

— Ты хочешь, чтобы собака научила тебя благодарности?

— Да. Я стала неблагодарной. Папа Кротов ушёл — и я даже не поблагодарила его как следует. Сказала: «Спасибо, до свидания», — и закрыла дверь. Баба Зина приносит пирожки — я отмахиваюсь. Павел приносит кофе в постель — я пью его, не поднимая головы. Я превратилась в потребителя, а не в человека. Собака напомнит мне, что за добро надо платить добром. Хотя бы взглядом. Хотя бы поглаживанием. Хотя бы тем, что не пройдёшь мимо.

4. Собака помогает преодолеть одиночество

Карел Чапек, чешский писатель и большой любитель собак, писал: «Всё верно: человек заводит собаку, чтобы не было чувства одиночества. Собака, в самом деле, не любит оставаться одна». Кукуша почувствовала, как эти слова отозвались в ней, как камешек, брошенный в пруд, — круги по воде, боль, недоумение, печаль. Она была одинока. Даже когда рядом были Павел, София, соседи, бесконечные люди в кругу. Одиночество поселилось внутри, как червь в мандарине. Снаружи фрукт красивый и румяный, а внутри — гниль.

Собака не заполнит пустоту целиком, но она даст тепло. Она ляжет у ног, положит голову на колени, и её присутствие будет говорить: «Ты не одна. Я здесь. Я дышу с тобой одним воздухом». Собака — это собеседник, который не перебивает и не даёт советов. Она просто слушает. А иногда слушать важнее, чем говорить.

5. Собака возвращает к жизни

Мордехай Сигал, современный израильский философ, сказал однажды: «Возможность выбрать родственника выпадает человеку только один раз в жизни — когда он заводит собаку». Кукуша улыбнулась этим словам как старому другу. Она выбрала Павла — он не родственник, но стал им. Она выбрала Софию — дочь, плоть от плоти. Но ведь можно выбрать ещё одного члена семьи. Четвероногого. Шерстяного. С хвостом и привычкой красть тапки.

Собака — это родственник, которого мы выбираем сами. Она не достаётся нам по рождению, не навязывается обстоятельствами. Мы идём и говорим: «Ты. Ты будешь моим псом. Ты будешь есть с моей ложки, спать на моём коврик, стареть рядом со мной». И это добровольное родство — самое сильное, потому что оно основано на любви, а не на крови.

— Это я, кажется, слышала где-то, — сказала Кукуша вслух, откладывая ручку.

— Что слышала?

— Голос моей новой философии. Она лает. Слышишь? Где-то далеко, но уже отчётливо. «Гав», — говорит новая философия. — «Гав, возвращайся к жизни».

Павел засмеялся — сначала сдержанно, потом громче, от всей души. Его смех разбудил Рыжую, которая недовольно фыркнула и перевернулась на другой бок.

— Ты неисправима, Аглая. Ты можешь любое решение обосновать цитатой из философа. Купить новые сапоги? Кант говорил о красоте как о целесообразности без цели. Не хочешь мыть посуду? Диоген жил в бочке и был счастлив. Собака — просто очередной эпизод твоего философского сериала.

— Это не эпизод. Это лечебное средство. Смех тоже возвращает человечность, кстати. Ты сейчас засмеялся — и я на секунду почувствовала себя живой.

— Так заводи уже собаку, — махнул рукой Павел. — Но помни: я не буду выгуливать её по утрам. Я не буду убирать лужи. И я не буду читать ей философские лекции. У неё должны быть нормальные собачьи ценности: палка, еда, сон.

— Договорились. — Кукуша чмокнула его в щёку. — Ты даже не представляешь, какую важную вещь мы сейчас решили.

Она ещё не знала, что Чуня научит её гораздо большему, чем она написала в своём трактате. Но это будет потом.

Глава 3. Педагогическая поддержка

На следующий день Кукуша пошла к бабе Зине — мириться. Не просто так, а с повинной головой и открытым сердцем. Она понимала: прежде чем лечить себя собакой, нужно наладить контакты с людьми. Нельзя стать человечнее, игнорируя тех, кто рядом.

Она поднялась на третий этаж без лифта (лифт сломался ещё в прошлом году, и это было отдельной философской проблемой), постучала в дверь с выцветшей табличкой «Зинаида Петровна». Сердце стучало громче, чем кулак. А вдруг не откроет? А вдруг обиделась навсегда?

Баба Зина открыла. Она была в своём обычном халате в горошек, с заколкой в седых волосах и смотрела исподлобья.

— А, явилась, — сказала она неласково. — Пирожки вчера не нужны были, а сегодня — нужны?

— Баба Зина, — Кукуша переступила порог, чувствуя запах сдобы, укропа и старых газет. — Я пришла не за пирожками. Я пришла за советом.

— За каким советом? Я тебе не психолог. Я пенсионерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.